

ДИСТРИБУТИВНЫЙ АНАЛИЗ ФОНЕМЫ /КЪ/-/КИ/ В ОСЕТИНСКОМ И ЧЕЧЕНСКОМ ЯЗЫКАХ

Парсиева Л.К., Гацалова Л.Б.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А, Владикавказ, Россия (362040, Владикавказ, проспект Мира, 10), e-mail: soigsi@mail.ru

В статье проводится сопоставительный анализ дистрибутивных характеристик иронского и дигорского диалектов осетинского языка, относящегося к иранской группе индоевропейской языковой семьи, с чеченским языком, входящим в нахско-дагестанскую группу кавказских языков. Исследование актуализируется тем, что на протяжении нескольких десятилетий дискутируется вопрос о двуприродности осетинского языка и наличии в нем кавказского языкового субстрата на разных языковых уровнях: фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом. Выявление сочетаемости «кавказского» звука, к каким относятся заднеязычный смычно-гортанный абруптив /къ/-/ки/, даёт представление не только о степени насыщенности осетинского и чеченского языков звуками этого типа, но и о генезисе этой насыщенности, подтверждая тезис об адстратном, в отличие от субстратного, компоненте в осетинском языке.

Ключевые слова: кавказский субстрат, дистрибуция, заднеязычный, глухой, абруптив, смычно-гортанный согласный, адстрат, фонема.

DISTRIBUTIONAL ANALYSIS OF THE PHONEME /K̶/-/KI/ IN THE OSSETIAN AND CHECHEN LANGUAGES

Parsieva L.K., Gatsalova L.B.

The federal state – financed establishment of science of the North Ossetian Institute for humanitarian and social research by name VI Abaev, Vladikavkaz scientific center of the RAS and the Government of the Republic North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Russia (362040, Vladikavkaz,10, Prospect Mira Str.), e-mail: soigsi@mail.ru

In the article the comparative analysis of the distributional characteristics of Iron and Digor dialects of Ossetian language, belonging to the Iranian group of the Indo-European language family, with the Chechen language, belonging to the Northeast Caucasian languages group, is carried out. The study is actualized because of the issue of the Ossetian language's duality and presence of the Caucasian language substratum in it on different linguistic levels: phonetic, lexical, morphological and syntactic. Identification of compatibility of the "Caucasian" sound, which includes velar glottalized consonant /k̶/-/ki/, gives an impression not only of the Ossetian and Chechen languages' degree of richness with sounds of this type, but also of the genesis of this richness, confirming the thesis of an adstrate, in contrast to the substrate, component in the Ossetian language.

Keywords: Caucasian substrate, distribution, velar, voiceless, ejective, glottalized consonant, adstrate, phoneme.

Фонематический анализ любого языка предполагает прежде всего установление в языке самих фонем и их разновидностей, причем существенное значение здесь имеет выявление фонологического содержания фонемы, то есть «признаков, общих для всех вариантов данной фонемы и отличающих ее от других и, прежде всего, от близкородственных фонем в данном языке» [13:73].

Определение фонологического содержания фонемы важно и при включении ее в систему фонологических противопоставлений, существующих в языке. Большую помощь в выявлении фонологического состава языка могут оказать структурные методы, очень популярные в 60-90-х гг. XX века, но затем незаслуженно, на наш взгляд, забытые. А между тем определение моделей следования фонем, выявление правил, ограничивающих

употребление отдельных фонем, будь то сочетание гласных между собой, гласных с согласными или согласных друг с другом, в любом языке подчиняются своим специфическим правилам и законам, часть из которых, впрочем, обычно оказывается общезначимой для многих, а иногда и всех языков мира [9:3]. Все исторические изменения констатируются в терминах дистрибуции. Расположение дистрибуции до и после изменения позволяет дать типологию исторических изменений.

В данной статье сделана попытка выявления дистрибуции сочетаний заднеязычного смычно-гортанного глухого /кь/-/кI/ в языках одного ареала, но различных по генезису: осетинского языка, относящегося к иранской группе индоевропейской семьи языков, и чеченского языка, входящего в нахско-дагестанскую группу кавказской языковой семьи.

Интерес к данной паре сопоставляемых языков усиливается и тем, что методы структурной лингвистики, к которым относится и дистрибутивный метод, помогают исследовать язык изнутри, в самом себе, или, как писал В.И. Абаев, критикуя структурализм в языкознании, «в себе и для себя» [1:221].

В свете полемики по поводу так называемой двуприродности осетинского языка и теории кавказского субстрата, декларируемых, очевидно, под воздействием «нового учения о языке» Н.Я. Марра [3:17-20], выдвижении тезиса о большей уместности понятия адстрат по отношению к кавказскому влиянию на осетинский язык, обращение к теме валентности фонем в исследуемых языках представляется достаточно актуальным.

В осетиноведении вопросами инвентаризации фонем и их вариантов занимались в разное время А.М. Шегрен, Вс.Ф. Миллер, В.И. Абаев, Н.К. Багаев, М.И. Исаев, Ю.Д. Каражаев, В.С. Соколова, В.Т. Дзахова. Различные аспекты распределения фонем осетинского языка были рассмотрены В.И. Абаевым [2].

Т.А. Гуриев в своей небольшой по объему, но имеющей принципиально иную направленность статье «Заметки по поводу эффекта двуязычия» рассматривает тезис В.И. Абаева о двуприродности осетинского языка с позиций дистрибутивных отношений и приходит к выводу о том, что осетинский был и остаётся индоевропейским, иранским языком, так как нельзя считать наличие или отсутствие тех или иных звуков единственно значимым аргументом при решении вопроса о фонетическом строе; очень важным, по мнению Т.А. Гуриева, является характер дистрибуции звуков сравниваемых языков. Данные сравнительной фонотактики показывают, что многочисленные и закономерные звуковые изменения в картвелизмах объясняются именно неидентичностью правил дистрибуции фонем в обоих языках – осетинском и грузинском [8:21]. Впрочем, о различиях в правилах дистрибуции фонем осетинского и грузинского языков пишет и сам В.И. Абаев в статье «Полногласие в картвельских заимствованиях» [7:526–528].

Комплексное исследование дистрибутивных свойств фонологической системы иронского диалекта современного осетинского языка, распределение бинарных сочетаний фонем, исчисление дистрибуции фонем и описание их квантитативных характеристик приведено в работе Л.Б. Доцовой [10].

В чеченском языкознании вопросы, связанные с фонемным составом и распределением фонем в синтагматическом пространстве, описаны в трудах Д.С. Имнайшвили, К.Т. Чрелашвили, А.Г. Магомедова, в монографии «Кавказские языки» из серии «Языки мира» Института языкознания РАН [11], а также в фундаментальном труде «Грамматика чеченского языка» [7].

Осетинский язык состоит из двух диалектов: дигорского и иронского, при этом дигорский диалект является более архаичным. Поэтому, сравнивая дистрибутивные характеристики обоих диалектов с учетом исторических изменений, можно составить представление о типологии исторических изменений осетинского языка в целом, а сопоставление дистрибутивных характеристик осетинского языка с одним из кавказских языков может служить аргументом в дискуссии о так называемом кавказском субстрате в осетинском.

Как известно, осетинский язык относится к иранской группе индоевропейской семьи языков. Находясь в тесном многовековом контакте с кавказскими языками, он, естественно, не мог не вобрать в себя некоторые их черты. В.И. Абаев пишет, что осетинский и грузинский языки имеют почти одинаковый состав фонем и что осетинский подвергся «фонетической ассимиляции», уподобился кавказским языкам, что «общие элементы у осетинского с окружающими кавказскими языками ни в коем случае не покрываются термином «заимствование», они затрагивают самые глубокие и интимные стороны языка и свидетельствуют о том, что осетинский во многих существенных отношениях продолжает традицию местных кавказских языков, совершенно так же, как в других отношениях он продолжает традицию иранскую» [2:111-112].

Смычно-гортанные звуки чужды индоевропейским языкам, в частности, иранским. «Но два индоевропейских языка, с давних пор бытующих на Кавказе, имеют систему согласных, в которую смычно-гортанные входят органическим и стойким элементом: армянский и осетинский. Естественно полагать, что наличие специфических «кавказских» согласных в этих языках объясняется тем, что и армянский, и осетинский языки формировались на субстрате кавказских языков» [2:518].

В другой статье В.И. Абаев обратил внимание на то, что смычно-гортанные согласные не имеют в осетинском такого массового, пронизывающего всю фонетическую систему распространения, как в армянском. «Если там смычно-гортанные выступают как

закономерные субституты определенных индо-европейских согласных (индо-европ. g арм. – k', индо-европ. d арм. – t' и т.д.), то в осетинском о такой последовательной субституции нет и речи» [2:518-519]. Смычно-гортанные входили в осетинский язык вместе с кавказской лексикой. «Так как освоение их требовало известных усилий и сопровождалось напряжением артикулирующих органов, то они стали охотно употребляться для выражения понятий физического усилия и для звукоподражаний соответствующего круга» [2:524]: *къæпп-къæпп, тъæпп-тъæпп, цъиах-цъиах* и т.д.

С увеличением числа слов, содержащих смычно-гортанные согласные, эти звуки стали приобретать смыслоразличительное значение, то есть превратились в фонемы осетинского языка.

В последующий период абруптивы стали замещать простые смычные в заимствованиях с русского языка, придавая им «осетинский колорит»:

карандаш - кърандас/къариндас;

писарь - пъисыр;

капуста - къабуска;

план - пълан;

пальто - пъалто/пъалито и т.д.

Заднеязычный глухой смычно-гортанный согласный в осетинской графике репрезентируется сочетанием /къ/, в чеченском - /кI/. Дистрибутивный анализ фонемы /къ/ иронского и дигорского диалектов осетинского языка, а также данные по распределению заднеязычного /кI/ в чеченском языке выявили следующие последовательности (лексемы анализировались только в их словарной форме):

1. В иронском и дигорском диалектах осетинского языка фонема /къ/ может находиться в начале, середине и конце слова.

В α -позиции (то есть, являясь первым элементом последовательности) она может сочетаться со следующими фонемами:

/a/ (*къам* «карточка, карта», *акъаци* «акация», *фыркъа* «ягненок», *цаукъа* «козленок»);

/æ/ (*къæпи* «тяпка»);

/ы/ (звукоподражательные *къыс-къыс*, *къыбар-къыбур*);

/o/ (*къобор* «крепкий», *къогъо* «комар», *къомси* «айва», *къох* «роща», *закъон* «закон»);

/y/ (*къул* «стена», *дзакъул* «мешочек», *къума* «замок»);

/и/ (*сылкъи* «бабник»);

/w/ (*къуым* «угол», *къуырын* «бить», *къуымых* «тупой», *фаткъуы* «яблоко»);

/р/ (*акъриди* «саранча», *кърант* «кран», *кърандас* «карандаш»);

/л/ (*кълас* «класс», *къленц* «щёголь»).

Кроме того, в дигорском возможны сочетания /кь/ и /е/ (*кьел* «каблу́к», *кьела* «сту́л»).

В β-позиции (то есть, будучи вторым элементом последовательности) в иронском и дигорском диалектах есть значительные различия в валентности фонемы /кь/. Так, в иронском /кь/ может сочетаться с фонемами: /е/ (*лекь* «лакцы»); /и/ (*бикь* «пупок»); /у/ (*букь* «согнутый»); /дз/ (фондзкьумон); /с/ (*хуыскь* «засохший», *алхыскь* «щипок», *раскьæрын* «выгнать»); /м/ (*æмкьай* «пара»); /н/ (*æнкьард* «грустный», *сынкь* «чирик», *хуынкь* «дыра», *хæнкьæл* «лапша»); /w/ (*цæукьа* «козленок»); /р/ (*аркьау* «щипцы», *фыркьа* «ягненок»); /л/ (*зулкь* «червь», *булкь* «редька»); /гь/ (*цыргькьумон* «остроугольный», *æргькьæйæ* «глинистый сланец»); /т/ (*фæткьуы* «яблоко», *фадкьул* «щиколотка»).

В дигорском дополнительно возможны сочетания /кь/ и /о/ (*бокь*); /г/ (*фиййагкьах* «ластоногий», *муггагкьомбох* «семяпочка»); /д/ (*гьæдкьуар* «дятел», *тугьдкьахаг* «подстрекатель»); /ф/ (*сифкьах* «черешок», *цæфкьобола* «палица, булава») [9].

Как видим, в дигорском диалекте /кь/ представлен большим количеством сочетаний, чем в иронском. Заметим, что большинство этих сочетаний является составляющей исконных дигорских слов, не заимствованных из кавказских языков. Немногом меньше процент таких сочетаний (именно в исконных словах) в иронском диалекте и присутствие в нем более поздних кавказских заимствований, количество которых, по сравнению с исконными словами также не дает, на наш взгляд, достаточных оснований говорить о двуприродности осетинского языка.

2. В чеченском языке заднеязычный /кI/ может выступать только в начале и середине слова:

кIурз «сажа», *кIеда* «мягкий», *кIай* «белый», «ручка (ведра)», *кIуомал* «конопля», *кIалд* «сыр», *никIана* «чуб», *хенакIур* «дятел» [7:241].

Более подробный анализ дистрибуции данной фонемы представлен в работе К.Т. Чрелашвили «Парадигматический и дистрибутивный анализ системы согласных нахских языков» [15].

На валентностные характеристики звуков значительное влияние оказывает и количественный состав гласных в обоих языках. Если в осетинском языке гласные представлены 7 фонемами – /а/, /æ/, /о/, /у/, /и/, /ы/ (в дигорском диалекте эта фонема отсутствует), /е/, то в чеченском языке их намного больше: «Основными факторами, осложняющими чеченский вокализм, являются: а) фонематическое противопоставление гласных по долготе и краткости (ср. *сā* ‘прибыль’ и *са* ‘душа’, *вēли* ‘вышел’ и *вели* ‘умер’ и т.д.; б) фонематическое противопоставление открытых и закрытых гласных (ср. *гIаи* ‘пешком’ – *гIаиш* ‘листья’); в) наличие большого числа дифтонгов, образовавшихся преимущественно сочетаниями гласных звуков с сонорными *в* (*w*), *й* (*и*), *ай*, *ий*, *ой*, *уй*, *ев*,

ов, *īē, ie, уо, уьй* и др.; г) наличие умлятутированных монофтонгов и дифтонгов: *аь, оь, ъь, уь, уь, уоь, уъь, аьй*. Зафиксировано более тридцати гласных фонем. Фонематический статус трифтонгов нуждается в подтверждении» [6:174]. В консонантных системах осетинского и чеченского языков такой большой разницы нет.

Интересен, однако, в осетинском языкознании различный подход к так называемым заднеязычным (*к, г, къ*) и увулярным (*х, гъ, хъ*) лабиализованным перед гласным *ы* в иронском диалекте осетинского языка, как, например, в словах *куыдз* «собака», *гуыбын* «живот», *къуымал* «квас», *хъуын* «волос», *фыдхуыз* «худой», *амгъуыд* «срок» и др. В Грамматике осетинского языка [6] им отводится роль дифтонгов: В этих и множестве подобных примеров буква «у» не выражает ни гласного у, ни сонанта («полугласного») у, а указывает только на произнесение обычных согласных (*к, г, къ, х, гъ, хъ*) при одновременном округлении губ, то есть на их лабиализацию. Следовательно, мы здесь имеем шесть отдельных фонем *ку, гу, къу, ху, гъу, хъу*» [6:47]. Это мнение опровергается Ю.Д. Каражаевым, который в статье «Заметки по осетинской фонологии» рассматривает онтологию лабиализованных согласных в свете ДП-фонологии. Объясняя лабиализацию этих согласных тем, что она, появляясь только на синтагматическом уровне, физиологически неизбежна, Ю.Д. Каражаев приходит к выводу о том, что так называемые лабиализованные фонемы являются позиционными репрезентантами простых заднеязычных и увулярных согласных перед /ы/, так как в данной позиции лабиализованные согласные фактически не противопоставлены нелабиализованным, то есть признак «огубленность», не являясь релевантным, не образует ДП.

Соглашаясь в целом с выводом профессора Каражаева, заметим, что вставка между заднеязычным или увулярным согласным и гласным /ы/ лабиализованного сонанта не упрощает артикуляции этих согласных; если бы это было так, то в осетинском языке не было бы более слов с сочетаниями *кы, гы, къы, хъы, гъы, хы*, а между тем они многочисленны, например: *кыс-кыс* (звукоподражательное), *гыркъо* «жёлудь», *гогыз* «индюк», *хыл* «ссора», *хыз* «сеть, сетка, фата», *аелгъыст* «проклятие», *хъыг* «сожаление», *хъырнын* «подпевать» и т.д. Вопрос этот рассматривался также Э. Бенвенистом, Дж.И. Эдельман, Хр. Бартоломе, Н.К. Багаевым, Л.Б. Доцовой, но и сейчас требует дальнейшего исследования.

Функция речевой единицы зависит не только от собственного содержания, системообразующих свойств этой единицы, но и от нового содержания, полученного в результате взаимодействия с окружающими единицами, то есть от системоприобретенных свойств; у каждой единицы эта функция должна быть направлена на достижение конечной цели всего системного образования. Зависимость функции от системоприобретенных свойств единицы позволяет охарактеризовать степень воздействия на неё окружения и

местоположения, то есть позиции единицы среди других единиц. Поскольку всякая связь является взаимосвязью, то можно сделать вывод о том, что на одном и том же субстрате могут быть построены по крайней мере две системы, отличающиеся друг от друга направлением связей между элементами. Однозначность объектов еще не определяет однозначности системного рассмотрения [14:21].

Перейдя из кавказских языков в осетинский, смычно-гортанные звуки не могли оставаться неизменными, так как они попали в совершенно иную систему, имеющую свои правила и законы распределения, то есть, несмотря на почти одинаковый звуковой состав, фонологические системы осетинского и кавказских языков различны.

Таким образом, богатая, в сопоставлении с чеченским, парадигма сочетаний с заднеязычным абруптивом къ в осетинском языке, а особенно в дигорском диалекте, дает основания для предположений о внутриязыковых процессах, влияющих на развитие консонантизма с определенным влиянием языкового окружения.

Список литературы

1. Абаев В.И. История языка и история народа // Абаев В.И. Избранные труды. Т.2. Общее и сравнительное языкознание. – Владикавказ, 1995.
2. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т.1. – М.; Л., 1949.
3. Алпатов В.Б. Н.Я. Марр и марризм. – М., 1991.
4. Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К. Инновационные возможности осетинского языка // Фундаментальные исследования. – 2012. – № 11 (ч. 3). – С. 727-730.
5. Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К. Большой русско-осетинский словарь. – Владикавказ, 2011.
6. Грамматика осетинского языка / Под ред. Г.С. Ахвледиани. Т. 1. – Орджоникидзе, 1963.
7. Грамматика чеченского языка. – Т.1. Введение в грамматику. Фонетика. Морфемика. Словообразование / Под ред. А.И. Халидова. – Грозный: ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2013. – 976 с.
8. Гуриев Т.А. Заметки по поводу эффекта двуязычия // Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. – Орджоникидзе, 1988. – С. 21–23.
9. Доцоева Л.Б. Дистрибуция бинарных сочетаний фонем в современном осетинском литературном языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Владикавказ, 1993.
10. Доцоева Л.Б. Дистрибуция фонем осетинском языке // Осетиноведение: история и современность. – Владикавказ: ИП, 1991.
11. Кавказские языки. Серия «Языки мира». – М.: Academia, 2001. – С. 173–186.

12. Парсиева Л.К., Гацалова Л.Б. Активные процессы в языковой системе // *Фундаментальные исследования*. – 2008. – № 4. – С. 39.
13. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. – М.: Изд-во иностр. л-ры, 1960.
14. Уёмов А.И. Системный подход и общая теория систем. – М., 1978.
http://philosof.onu.edu.ua/elb/uemov/system_general_theory.pdf
15. Чрелашвили К.Т. Парадигматический и дистрибутивный анализ системы согласных нахских языков. – Тбилиси, 2009.
16. Языки мира: Кавказские языки. – М.: Academia, 2001.

Рецензенты:

Фидарова Р.Я., д.фил.н., профессор, главный научный сотрудник ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.

Дреева Д.М., д.фил.н., доцент кафедры немецкого языка ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова», г. Владикавказ.